

Гайдар Е.Т.

ЛИБЕРАЛИЗМ: Без демократии не получится.

Продолжение. Первая часть статьи опубликована в газете «Ведомости» за 14 апреля 2004 г.

Важнейший неявно поставленный в ходе нынешней дискуссии вопрос – нужна ли демократия России и возможна ли она. Текст письма гласит: "Все эти люди – реже искренне, чаще фальшиво и по заказу, но от того не менее убедительно – говорят о крахе либеральных идей, о том, что в нашей стране, России, свобода просто не нужна. Свобода, по их версии, – пятое колесо в телеге национального развития. А кто говорит о свободе, тот либо олигарх, либо сволочь (что в целом почти одно и то же). На таком фоне либералом №1 представляется уже президент Владимир Путин – ведь, с точки зрения провозглашаемой идеологии, он куда лучше Рогозина и Жириновского. И хочется задуматься: да, Путин, наверное, не либерал и не демократ, но все же он либеральнее и демократичнее 70% населения нашей страны". Вроде бы авторы и не согласны с тем, что России не нужна демократия, но если человек, который, по мнению "группы товарищей", не является демократом, демократичнее 70% населения страны, то до демократии ли здесь? При всей очевидной фарсовости затеи это действительно серьезно. По этой теме считаю необходимым высказаться вдвойне ответственно.

Я по убеждению либерал, уверен, что свобода самоценна. Но обсуждаются не мои убеждения, а реальная ситуация в России. Поэтому отвечаю на явно или неявно сформулированные претензии.

Для большей части человечества то, что сегодня называют демократией, – установление новое. Еще три-четыре поколения назад оно было мало распространено в мире. То, что аграрные общества с низким уровнем доходов, доминирующей неграмотностью, неэффективной экономикой являются, как правило, традиционными монархиями или (реже) авторитарными режимами; то, что высокоразвитые постиндустриальные общества в подавляющем большинстве случаев – устойчивые демократии; то, что перемены, связанные с индустриализацией, урбанизацией, широким

распространением образования, порождают политическую нестабильность, – все это известно давно и хорошо. Правда, не всем, а только тем, кто ценит факты выше идеологии. Именно на переходную стадию развития приходится время молодых, нестабильных демократий, социальных революций, неустойчивых авторитарных режимов. В России на эту фазу экономической эволюции пришлось две революции XX в.

Корни диктатуры.

Простой ответ на вызовы, связанные с отсутствием демократических традиций, невысоким уровнем развития, – формирование авторитарного режима, основанного на личной власти диктатора. Иногда ему ставят прижизненные памятники. Власть туркменбаши, пожалуй, самая яркая иллюстрация того, как функционируют такие режимы в постсоветском пространстве. При более цивилизованных формах памятников не ставят, но суть дела от этого меняется мало. Беда такого решения во внутренней нестабильности и бесплодности авторитарных режимов.

В условиях урбанизированного и образованного общества надолго убедить людей в том, что не ими избранный человек призван определять, как жить, – неразрешимая задача. Раньше или позже диктатор умирает, бежит или его убивают. Памятники сносятся. Разваливается вся политическая конструкция авторитарного режима, ставятся под сомнение ранее заключенные контракты, рушится сложившаяся структура распределения собственности. Созданные под предлогом обеспечения стабильности, авторитарные режимы сами оказываются источником потрясений. Автократ в современном урбанизированном, грамотном обществе, как правило, вынужден постоянно доказывать, что его режим – временная мера, переходный период, после которого он непременно восстановит демократию.

Закрытые демократии.

Альтернативный способ решения проблемы политической стабильности – формирование "закрытых", или, что-то же самое, "управляемых" демократий. Это политические системы, в которых оппозиция заседает в парламенте (а не сидит в тюрьме), регулярно проводятся выборы, нет массовых репрессий, есть свободная пресса (обычно это не относится к СМИ, имеющим выход на массовую аудиторию), правительство можно критиковать не только на кухне, но и на улице, в газетах, в парламенте. Нет пожизненного

диктатора, политическая элита договорилась о механизмах передачи власти. В некотором смысле смена власти в условиях закрытых демократий напоминает устройство преемственности в Риме периода принципата. Там оно опосредовалось не контролируемые выборами, а усыновлением наследника. Для современного мира это все-таки экзотика.

Примеры таких режимов известны: это Мексика на протяжении десятилетий после революции, Италия после Второй мировой войны и до конца 80-х гг., Япония того же периода. Есть все элементы демократии за одним исключением – исход выборов предопределен, от избирателей на деле ничего не зависит. Гражданин может думать что угодно, но на выборах победит либерально-демократическая партия Японии, она же и сформирует правительство. В Мексике преемником президента станет тот, кого он назначил министром внутренних дел. В течение многих лет мексиканская и японская системы правления рассматривались в качестве примера для подражания соответственно в Латинской Америке и Азии. Неспособность обеспечить устойчивое функционирование такой системы нередко становилась базой формирования откровенно авторитарных режимов.

Развитие событий в России в последние годы позволяет думать, что значительная часть политической элиты именно такую модель считает образцовой или, по меньшей мере, пригодной на ближайшие десятилетия. Этот тезис достоин обсуждения. Да, подобные режимы позволяют надолго сохранять стабильность. Эрнесто Че Гевара, профессиональный революционер, писал, что революция не имеет шансов на успех, если речь идет о свержении правительства, которое пришло к власти на основе народного голосования, сколь бы достоверно оно ни было, и которое сохраняет хотя бы внешние формы конституционной законности. Именно сохранение видимости свободных выборов и конституционного режима – черта, отделяющая "закрытые" демократии от откровенно авторитарных режимов. Однако надо понимать и учитывать последствия такой стратегии. Характерная черта "закрытых" демократий – широкое распространение коррупции. Сам по себе демократический режим, разумеется, не является гарантией от коррупции. Но его отсутствие делает ее неизбежной деталью политического и экономического механизма.

Если учесть, что коррупция в российской власти – явление многовековое, если вспомнить о безуспешных попытках Петра I справиться с ней административными мерами, то легко понять, какую траекторию развития государственности на десятилетия вперед мы зададим, сформировав режим "закрытой" демократии. И никакими ритуальными кампаниями, никакими громкими процессами с этой проблемой не

справиться. Она функционально связана с характером режима, организацией политического процесса, который развивается в ее рамках.

Еще одна характерная черта "закрытых" демократий – их склеротичность. Откровенно авторитарные режимы и эффективно функционирующие демократии бывают способны на проведение глубоких структурных реформ. Чили при Пиночете и Великобритания при Тэтчер – очевидные тому примеры. В "закрытых" демократиях с течением времени выстраиваются хорошо организованные группы, способные ради защиты частных интересов блокировать необходимые реформы. Пример Японии, столкнувшейся с одним из самых тяжелых экономических кризисов в развитой стране конца XX в. и оказавшейся не способной провести необходимые реформы в течение 15 лет, – наглядное тому подтверждение. В мире XXI в., где гибкость, способность менять установки и сложившиеся структуры, реагировать на вызовы времени – важнейший залог конкурентоспособности, выбор в пользу "управляемой" демократии – очевидная ошибка.

К тому же важнейший фактор конкурентоспособности национальной экономики в условиях постиндустриального развития (если Россия не собирается ориентироваться исключительно на сырьевые отрасли) – способность воспроизводить и сохранять высококвалифицированные кадры. Опыт показывает: люди, конкурентоспособные на мировом рынке квалифицированной рабочей силы, в большинстве своем хотят, чтобы их мнение было услышано при выборе будущего страны. Формирование "закрытой" демократии в России – прямой путь ускорения "утечки мозгов".

Муляж не поможет.

Построить в России действующую демократию сложнее, чем ее муляж. Но эту задачу придется решать. Не надо иллюзий. Мы живем в XXI в., а не в XVIII. Глобальный характер обмена информацией, быстрые, масштабные социально-экономические изменения, современный характер общества не оставляют шансов на эффективное функционирование недемократических режимов.

В XX в. мы пережили две революции, каждая из которых дорого обошлась России. Обе были вызваны неспособностью режима провести необходимые реформы. Как человек, имевший прямое отношение к российской революции конца XX в., очень не хотел бы, чтобы кому-то пришлось повторять этот опыт в XXI в. России на многие десятилетия хватит революций.

По уровню развития Россия вплотную подошла к уровню, за которым формирование нормальных, стабильных демократических режимов и возможно, и неизбежно. Мне приходилось неоднократно обсуждать проблемы России и Китая с представителями китайской научной и политической элиты. Многие из них прекрасно понимают, что стратегическая проблема, которая стоит перед Китаем и решать которую все равно придется, – формирование реальных демократических институтов. Если не решить ее – политическая дестабилизация неизбежна. Для России, которая заплатила немалую цену за формирование пусть молодых, не оптимальных, но живых демократических институтов, отказываться от них – значит совершить стратегическую ошибку, за которую потом придется расплачиваться десятилетиями.

В переводе на язык практических дел это значит, что выход из сформировавшегося сегодня режима "закрытой" демократии, восстановление базовых демократических институтов, возрождение свободных СМИ, честных выборов, независимой от исполнительной власти судебной системы, реальной политической конкуренции – важнейшая задача, которую предстоит решать в ближайшие годы. В интервью, которое дал сразу после выборов президент Путин, в качестве приоритета второго срока президентства он назвал укрепление демократических институтов в России. В этом я с ним согласен. Надо стремиться к тому, чтобы это было воплощено на практике.

"Группа товарищей" сообщает: "Фактически сегодня мы ясно видим капитуляцию либералов". Могли бы выразиться точнее: "хотели бы видеть". Наполеон на Поклонной горе тоже хотел видеть ключи от города. Не увидел. И они не увидят.